

K 8 $\frac{10}{37}$

4621

РОФ. ДЖОРДЖО ДЕЛЬ-ВЕККИО
(GIORGIO DEL VECCHIO).

МОРАЛЬНЫЯ ПРИЧИНЫ НАШЕЙ ВОЙНЫ.

— * —

МОСКВА.
1916.

Товарищество „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, М. Никитская, д. 29. ☎ Телефон 4-50-61.

Ашевскій, С. РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ и ВОЙНА.
Цѣна 60 коп.

ГАЛИЧИНА, БУКОВИНА, УГОРСКАЯ РУСЬ. Составлена сотрудниками журнала «Украинская Жизнь». Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины и Буковины и Угорской Руси, исполненной въ краскахъ. Изд. 2-е.
Цѣна 1 руб. 40 коп.

УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ. Сборникъ, составленный сотрудниками журнала «Украинская жизнь». Изд. 2-е.
Цѣна 1 руб.

Якушкинъ, В. Е. ГЕНІЙ РУССКАГО ВОЕННАГО ИСКУССТВА, А. В. СУВОРОВЪ. Посмертное изданіе подъ наблюденіемъ В. Н. Сивкова, съ портретомъ А. В. Суворова. Цѣна 40 коп.

Яриновичъ, Ан. ГАЛИЧИНА ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ. Очеркъ исторіи національной жизни русинъ въ Австро-Венгріи. Цѣна 30 коп.

Народныя брошюры изъ серіи „ВОЙНА и ТРУДЪ“:

№ 1. Н. П. Огановскаго. «ОТЧЕГО ЗАГОРѢЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА». Изд. 4-е. 32 стр.
Цѣна 8 коп.

№ 2. Н. В. Сивкова. ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ и ТЕПЕРЬ». 32 стр.
Цѣна 8 коп.

№ 3. С. И. Бондарева. «БУДЕМЪ ТРЕЗВЫ». 32 стр.
Цѣна 8 коп.

№ 4. Николай Огановскій. ВРАГИ ЛИ РУССКОМУ НАРОДУ ЕВРЕИ». Изд. 2-е. 48 стр. Цѣна 20 коп.

ПРОФ. ДЖОРДЖО ДЕЛЬ-БЕККИО
(GIORGIO DEL VECCHIO).

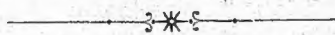
К 8 $\frac{10}{37}$

Бр. III 29

МОРАЛЬНЫЯ ПРИЧИНЫ НАШЕЙ ВОЙНЫ.

*Авторизованный переводъ
съ 3-го итальянскаго изданія.*

М.Д.

МОСКВА.
1916.

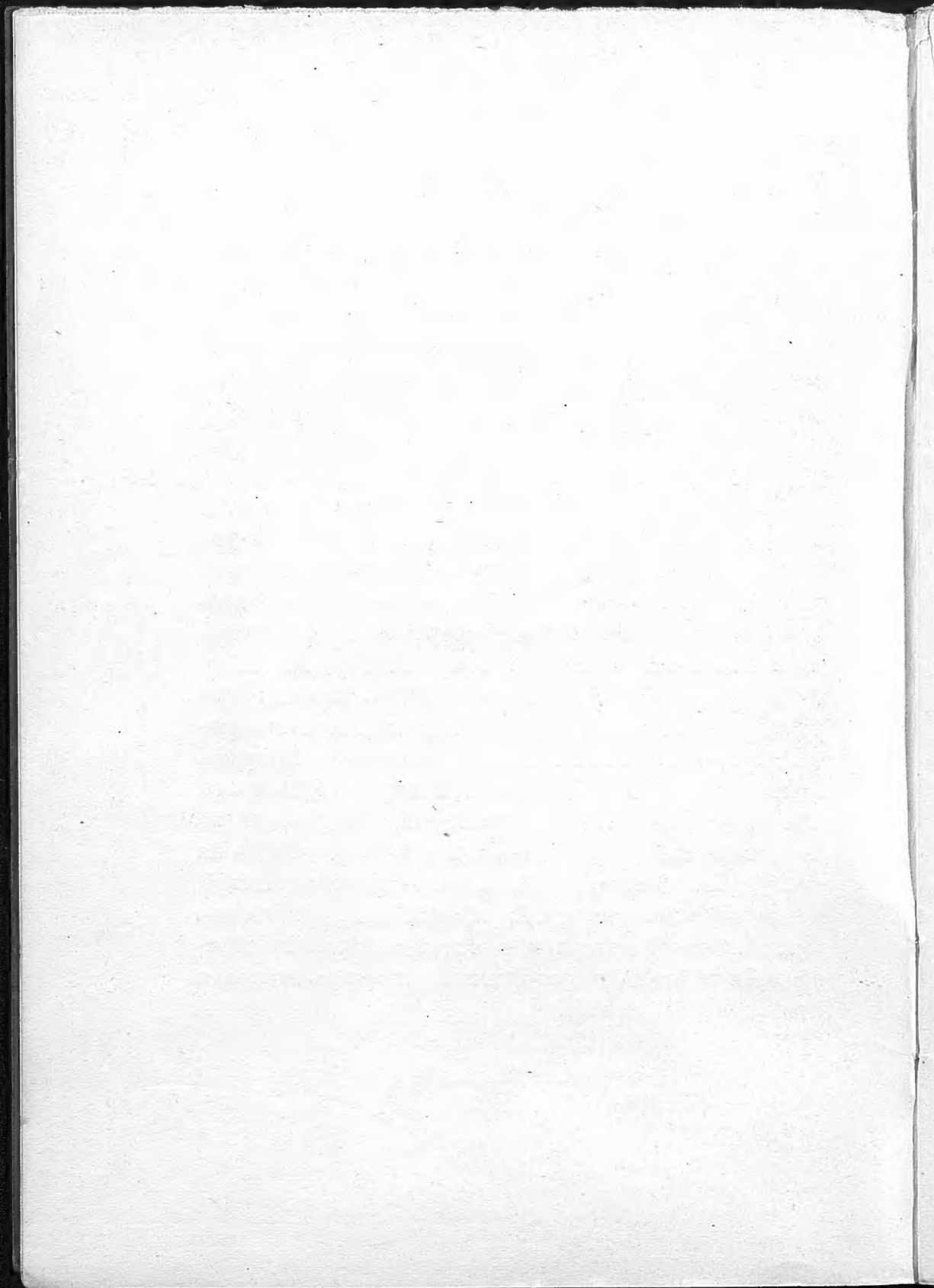
МОСКВА.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. б., Путинковскій п., с. д.

1916.

Настоящая статья принадлежит перу Джорджо Дель-Веккю, орд. профессора по кафедрѣ философіи права въ Болоньѣ, одного изъ наиболѣе крупныхъ представителей современной итальянской юридической науки, автора извѣстныхъ изслѣдованій о „Понятіи права“ („Il concetto del Diritto“), о „Философскихъ предпосылкахъ понятія права“ („I presupposti filosofici della nozione del diritto“), о „Понятіи природы и принципѣ права“ („Il concetto della natura e il principio del diritto“) и др., получившихъ широкое распространеніе и за предѣлами Италіи. Эта статья о моральныхъ причинахъ итальянской войны впервые была напечатана нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ сборникѣ „La nostra Guerra“, изданномъ итальянской „Национальной Ассоціаціей университетскихъ профессоровъ“ и посвященномъ выясненію причинъ и цѣлей выступленія Италіи. Вскорѣ послѣ этого она вышла отдѣльной брошюрой, выдержала за короткое время три изданія и была переведена на англійскій, французскій, нѣмецкій, голландскій, испанскій, португальскій, японскій и др. языки. Предлагаемый теперь и русскому читателю переводъ ея сдѣланъ съ разрѣшенія автора съ третьяго итальянскаго изданія.

Намъ не достаточно сознанія, что наша война юридически вполне законна; что она соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ статьямъ дипломатическихъ актовъ, которые уже давно должны были бы убѣдить въ ея неизбѣжности и всѣхъ тѣхъ, кто теперь какъ бы пораженъ ею. Конечно, присущая намъ, взрожденная въ насъ тысячелѣтіями цивилизации, „юридическая жилка“ никогда не позволила бы намъ дойти до того пренебреженія ко всякой юридической формѣ, до того забвенія всѣхъ самыхъ торжественныхъ международныхъ договоровъ, какимъ другіе народы недавно такъ запятнали себя. И новымъ доказательствомъ тонко развитаго юридическаго чувства у нашего народа было какъ разъ то волненіе, съ которымъ не только образованные итальянцы, но и простой народъ ждалъ обнародованія точнаго текста таинственнаго договора Тройственнаго Союза, опасаясь, какъ бы въ немъ случайно не оказалось какихъ-нибудь стѣснительныхъ для насъ и все еще не потерявшихъ силу обязательствъ, невыполненіе которыхъ было бы сопряжено съ умаленіемъ нашего національнаго достоинства. Велика же была наша радость, когда мы достоверно узнали, что никакой измѣны долгу съ нашей стороны не было и что передъ нами широко раскрытъ путь свободнаго историческаго развитія, потому что договоръ, которому мы всегда были и остались бы

вѣрны, уже грубо нарушенъ и тѣмъ самымъ уничтоженъ другой стороной! Мы, такимъ образомъ, избавились отъ тяжелой дилеммы; избавились благодаря тому, что наша дипломатія, какъ бы многочисленны ни были ея прошлые грѣхи, оказалась все-таки достаточно предусмотрительной и при выработкѣ отдѣльныхъ статей трактата подумала и объ охраненіи всей полноты нашихъ правъ передъ союзниками путемъ включенія въ него всѣхъ тѣхъ оговорокъ, которыя логически вытекали изъ нашего положенія равноправныхъ союзниковъ. И если наши союзники рѣшили потомъ, что на насъ можно смотрѣть, какъ на рабовъ, пусть они теперь пеняютъ на себя и сами раскаиваются за послѣдствія своего ослѣпленія. Мы въ этомъ не только не повинны, но даже и сами чуть не стали жертвой.

Но одно соблюденіе юридической формы и уваженіе къ легальному образу дѣйствій для насъ еще недостаточно. Не удовлетворяетъ насъ и перспектива тѣхъ выгодъ, которыхъ мы можемъ ждать отъ войны, а именно увеличеніе могущества и благополучія, котораго мы въ концѣ концовъ достигнемъ войной. Подобные расчеты не успокаиваютъ нашей совѣсти потому, что, съ одной стороны, цѣнность приносимыхъ въ жертву жизней несоизмѣрима съ такого рода результатами, а съ другой—выгодность предпріятія еще не дѣлаетъ его священнымъ. Наше понятіе о жизни безконечно далеко отъ свойственнаго первобытнымъ народамъ представленія, что грабежи и завоеванія не только допустимы, но даже являются занятіемъ, наиболѣе достойнымъ человѣка, подобно тому

какъ, на примѣръ, Тацитъ говоритъ о германцахъ: „Materia munificentia per bella et raptus. Nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris, quam vocare hostem et vulnera mereri. Pigrum quin immo et iners videtur sudore adquirere quod possis sanguine parare“¹⁾ Въ насилии, какъ таковомъ, хотя бы и побѣдоносномъ, мы не видимъ рѣшительно ничего славнаго и достойнаго, оно можетъ быть оправдано лишь той цѣлью, которой оно служитъ. И нельзя еще одобрить войны изъ-за того только, что есть наличность достаточныхъ силъ, чтобы вести ее, а благопріятно сложившіяся обстоятельства, или численность союзниковъ позволяютъ обильно поживиться на счетъ противниковъ. Война можетъ быть оправдана передъ нашей совѣстью только, поскольку она ведется въ защиту права, котораго нельзя отстоять другимъ путемъ, то-есть, когда она является единственнымъ средствомъ возстановленія этической истины, грубо нарушенной другими; когда она, однимъ словомъ, становится моральнымъ долгомъ.

И какъ разъ такова наша настоящая война.

* * *

Кто до сихъ поръ еще всецѣло находится во власти индивидуальнаго эгоизма, оставаясь рабомъ иллюзій, порождаемыхъ кажущейся эмпирической обособленностью его личности, тотъ считаетъ себя счастливымъ и въ безопасности, пока ему лично не причинено никакого вреда. Сущность личности оказывается въ такомъ человѣкѣ низведенной до

---

¹⁾ Tacitus „Germania“ cap. XIV.

степени лишь его воображаемой, кажущейся индивидуальности; онъ считаетъ, что ни до чего всеобщаго, универсальнаго и трансцендентнаго ему нѣтъ дѣла; что всѣ другіе люди и ихъ судьба нисколько его не касаются. Но постепенное развитіе сознанія неизбѣжно приводитъ человѣка къ тому, что онъ, начиная внимательнѣе присматриваться къ самому себѣ, открываетъ въ себѣ естество, по самой природѣ своей стоящее выше всѣхъ эмпирическихъ особенностей, и потому выше даже его индивидуальной обособленности, естество раціональное и универсальное, благодаря которому онъ оказывается въ состояніи и даже чувствуетъ себя вынужденнымъ видѣть въ другихъ людяхъ существа во всемъ себѣ подобныя. Онъ понимаетъ тогда, какая иллюзія думать, что можно совсѣмъ замкнуться въ тѣсныя рамки собственнаго недолговѣчнаго „я“, и чувствуетъ потребность опредѣлить свое мѣсто въ мірѣ согласно новымъ принципамъ, которые могли бы освободить его отъ путъ узко-индивидуальнаго существованія, давъ ему возможность почувствовать свое единство со всѣмъ міромъ. Грубая и мизерная антитеза между отдѣльными индивидуумами исчезаетъ; для насъ становится невозможнымъ оставаться безстрастными зрителями того зла, которое терпятъ другіе; мы, по самой природѣ своей, не можемъ не принять самаго горячаго участія въ жизни вообще; въ насъ начинаетъ говорить чисто человѣческое чувство справедливости, и, какъ гласитъ одно замѣчательное изреченіе, никто уже не можетъ оставаться спокойнымъ, пока есть на свѣтѣ хотя одинъ человѣкъ, страдающій отъ несправедливости.

Направляясь къ этой высшей ступени теоретической и практической истины, мы, переступая границы нашей индивидуальности, прежде всего узнаемъ самихъ себя въ тѣхъ, кто родился въ одной съ нами странѣ и носитъ печать той же исторической традиціи. Общность языка достаточно свидѣтельствуешь объ общности чувствъ и мыслей въ прошломъ, раскрывая въ то же время возможность самаго тѣснаго общенія и въ будущемъ. Именно нація и есть живая и конкретная объективация нашей индивидуальной личности; въ націи индивидуумъ созерцаетъ самого себя, но только увеличеннымъ и бесконечно умноженнымъ въ прошломъ и будущемъ. Каждый человѣкъ долженъ чувствовать себя частью какой-нибудь націи, потому, что его сознаніе заставляетъ его стремиться къ цѣлямъ, которыхъ онъ не можетъ достигъ въ своей индивидуальной жизни, потому что самая дѣятельность его уже предполагаетъ цѣлую культурную традицію, частью которой она сама потомъ неизбежно становится, потому что безъ тѣсной связи между людьми, построенной на дѣйствительномъ, интенсивно ощущаемомъ, духовномъ родствѣ, не можетъ конкретно осуществиться и сама человѣческая свобода. Гдѣ національная связь ослаблена, не признана или расторгнута, тамъ и отдѣльный индивидуумъ становится слабѣе; гдѣ нація поработчена, тамъ и отдѣльный индивидуумъ — въ оковахъ. Поэтому защита или возстановленіе національнаго единства составляютъ безусловное и неотъемлемое право и даже долгъ всѣхъ и каждого.

Гдѣ бы и какъ бы ни производилась попытка

подавить и уничтожить характерныя проявленія нашей національной дѣятельности, оскорбленіе, нанесенное другимъ, можетъ быть, намъ даже неизвѣстнымъ или очень далекимъ людямъ, въ дѣйствительности непосредственно касается и насъ самихъ, задѣвая въ насъ нашу самую глубокую сущность. Вѣдь право, которое при этомъ нарушается,—наше собственное неотъемлемое право; и потребность возстать на его защиту такъ интенсивно ощущается нашей совѣстью, что мы страдаемъ отъ невыразимо горькихъ самоупрековъ до тѣхъ поръ, пока нарушенное право не бываетъ вновь восстановлено во всей своей полнотѣ.

И мы, итальянцы, слишкомъ уже долго страдали отъ горечи подобныхъ самоупрековъ при видѣ тѣхъ гоненій, которымъ подвергалось все итальянское въ предѣлахъ австро-венгерской имперіи; гоненій, которыя не были лишь случайнымъ и скоро преходящимъ послѣдствіемъ ошибокъ или злоупотребленій со стороны отдѣльных лицъ или органовъ управленія, — въ такомъ случаѣ они были бы устранимы,—а непосредственно вытекали изъ самаго существа австро-венгерской монархіи; потому что ей, изъ-за крайней разнородности подчиненныхъ ей національностей, чтобы управлять всѣми, прямо необходимы раздоры между ними, какъ необходима ей и та холодная жестокость, съ которой ея правительство, не довольствуясь простымъ поддерживаніемъ антагонизмовъ, уже существующихъ между различными, осужденными жить вмѣстѣ народностями, само еще обостряетъ ихъ и иногда даже искусственно вызываетъ тамъ, гдѣ раньше ихъ вовсе не было,

устанавливая привилегіи для однихъ и угнетая и преслѣдуя другія. Отъ подобныхъ махинацій правительства, которыя были бы просто смѣшны, если бы не нарушали такъ грубо всѣхъ самыхъ элементарныхъ основъ гражданской справедливости, ни одна нація не страдала такъ, какъ итальянская, потому что вся политика Австро-Венгріи была умышленно направлена не только на порабощеніе и униженіе ея передъ другими народностями, но прямо на полное истребленіе той благородной части ея, которая все еще оставалась подъ властью династіи Габсбурговъ. Это подтверждаетъ цѣлый длинный рядъ фактовъ, на которые мы уже много разъ, безъ всякой, впрочемъ, пользы, указывали съ осужденіемъ. Только великій, отчаянный героизмъ нашихъ порабощенныхъ братьевъ, сумѣвшихъ терпѣть и защищаться по-римски, помѣшалъ привести этотъ планъ въ исполненіе; и теперь тотъ же самый героизмъ дастъ имъ возможность съ нашей помощью, съ помощью уже свободныхъ итальянцевъ, побѣдить по-римски.

Оказывая нашимъ братьямъ эту поддержку, съ которой нельзя уже было дольше медлить, мы выполняемъ лишь нашъ священный долгъ. Мы не стремимся къ захвату чужихъ земель, нѣтъ въ насъ и жажды къ господству надъ другими. Мы хотимъ лишь свободы и жизни для нашихъ братьевъ: ихъ свобода это—наша свобода, ихъ жизнь—наша жизнь, потому что мы — члены одной и той же конкретной націи. Мы хотимъ, чтобы не было преступленія въ томъ, что итальянцы называютъ Италію своей родиной.

Не только душу народовъ, но и самую природу страны хотѣло бы австро-венгерское государство передѣлать по образу и подобию своему. Что Альпы и море составляютъ естественныя границы Италіи, это — истина географическая, освященная тысячелѣтней исторической традиціей; даже въ эпохи наибольшаго господства чужеземцевъ въ Италіи, сами завоеватели не переставали смотрѣть на переходъ черезъ Альпы, какъ на вторженіе въ Италію. „Италія“—этотъ божественный звукъ былъ для нихъ, по крайней мѣрѣ, причиной печальной славы. Теперь же въ австро-венгерской имперіи, вынужденной по самой природѣ своей отрицать все естественное, преслѣдуется, какъ преступленіе, причисленіе къ Италіи верхняго теченія итальянскихъ рѣкъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же и состоитъ столь боязливо охраняемое законами „политическое единство“ австро-венгерской имперіи, какъ не въ разъединеніи того, что сама природа соединила?

„Италія кончается около Алы“¹⁾ — сказалъ на одномъ гнусномъ процессѣ государственный прокуроръ въ Триентѣ. Въ отвѣтъ на это мы ссылаемся на слова Петрарки и Данте, и на превосходное опредѣленіе, которое далъ Италіи еще Августъ. Мы указываемъ при этомъ на вершины Альпъ, на которыхъ сама природа нестираемыми буквами начертала свое мнѣніе.

---

¹⁾ Ala—небольшое мѣстечко въ долинѣ рѣки Эча (Адидже) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, австрійское до начала итальянской войны, но въ первые же дни войны занятое итальянцами.

„La situation des montagnes, des mers et des fleures qui servent de bornes aux nation qui l'habitent, semble avoir decidé du nombre et de la grandeur de ces nations; et l' on peut dire que l' ordre politique de cette partie du monde est, à certains égards, l' ouvrage de la nature“¹⁾. Всѣ событія новѣйшей исторіи лишь подтверждаютъ глубокую справедливость этого мнѣнія Руссо, потому что они показываютъ всю неизбѣжную недолговѣчность государствъ, построенныхъ вопреки природѣ исключительно на произволѣ во имя династическихъ выгодъ или подъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ столь же внѣшнихъ соображеній. Силы оружія и искусства дипломатовъ, какъ бы велики они ни были, еще недостаточно, чтобы достигъ прочнаго равновѣсія между разнородными политическими элементами, чтобы помѣшать зародышамъ отдѣльныхъ національностей, какъ бы раздроблены и долго притѣсняемы онѣ не были, продолжать развиваться самостоятельно и, наконецъ, объединяться въ новыя политическія цѣлыя. „Каковъ былъ, — спросимъ мы вмѣстѣ съ Романьози, — результатъ всѣхъ послѣдовательныхъ попытокъ Франціи, Испаніи и Германіи подчинить своей власти различныя части Италіи? Развѣ время смогло постепенно уничтожить естественное отвращеніе къ подчиненію иностранцамъ и укрѣпить связь между частью одной націи съ другой націей? Ничего подобнаго! Какъ въ такомъ случаѣ не услышать крика, не почувствовать неутомимой силы

---

¹⁾ Rousseau, „Extrait du Projet de paix perpetuelle, etc.“ (Oeuvres, ed. Lifèvre, т. IV, стр. 262).

самой природы, которая противится соединенію въ одно разнородныхъ элементовъ и наоборотъ стремится къ соединенію элементовъ однородныхъ? Я приглашаю всѣхъ извращенныхъ, разукрашенныхъ орденами грабителей попробовать заглушить этотъ голосъ природы и подавить проявленія этой силы“ ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, универсаленъ законъ, по которому у каждой націи должна быть „физическая конституція“, соотвѣтствующая ея „конституціи духовной“; и только сочетаніе этихъ элементовъ („полное и безраздѣльное обладаніе всей національной территоріей въ ея естественныхъ границахъ“ и „умѣренное правительство, управляющее всей націей“) приводитъ къ той національно-политической конституціи, которую Романьози называетъ также „этникархіей“, и отъ которой, въ конечномъ счетѣ, зависитъ и общее состояніе равновѣсія между различными народами. „Конечной цѣлью, къ которой, повидимому, природа призываетъ людей“, — поясняетъ нашъ философъ, — „является полное совпаденіе размѣровъ отдѣльныхъ государствъ съ тѣми территоріальными границами, которыя она сама начертала на лицѣ земли и еще особо подчеркнула единствомъ языка и народнаго генія, и неизмѣнностью общаго національнаго характера. Родство духовное и политическое такъ же реально, какъ и сродство химическое и матеріальное. Природа сама стремится соединить однородное и разъединить разнородное“ ²⁾. Итакъ, медленно, но властно

---

¹⁾ Romagnosi, „La scienza delle costituzioni“, ч. I. „Teoria speciale“, гл. III, § 22.

²⁾ Romagnosi, „Istituzioni di civile filosofia ossia di giurisprudenza teorica“, Parte I, L. VI, C. II.

все нарастающая сила приводит народы постепенно къ ихъ „естественной структурѣ“.

Согласно съ этимъ и Италія должна быть возстановлена во всей своей цѣлости, то-есть должна достигъ своихъ естественныхъ границъ: она должна стать политически единой, какъ едина она духовно и физически. „Географическія условія, традиція, языкъ, литература, потребность охранять могущество и безопасность государства, желаніе самого народа, врожденный у итальянцевъ демократическій инстинктъ, предчувствіе прогресса, для котораго необходимы всѣ живыя силы страны, чувство собственной роли инициатора въ Европѣ и созданіе предстоящихъ великихъ дѣяній Италіи не благо всего міра, — все это ведетъ къ одной цѣли. Нѣтъ такихъ препятствій, которыя не были бы устранимы; нѣтъ такихъ возраженій, которыя не могли бы быть исторически и философски опровергнуты“ ¹⁾. Такъ писалъ въ защиту нашего національнаго единства Джузеппе Мадзини, который любилъ еще повторять и слова Наполеона: „Италія окружена со всѣхъ сторонъ моремъ и Альпами. Ея естественныя границы опредѣлены самой природой до такой степени точно, что ее можно было бы назвать островомъ... Италія граничитъ съ европейскимъ континентомъ всего лишь на протяженіи полутороста миль, а эти полтораста миль защищены наиболѣе трудно преодолимой для чловѣка преградой... Италія, изолированная отъ міра естественными границами, призвана создать вели-

---

¹⁾ Mazzini, „Dell' uinita italiana“ (въ Seritti editi ed ined., т. III, стр. 256).

кую и могущественную націю... Италія составляет одну единую націю. Единство нравовъ, языка и литературы должно въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ привести къ объединенію ея жителей въ одно государство... И не подлежитъ сомнѣнію, что итальянцы изберутъ Римъ столицей своего отечества¹⁾. Это предсказаніе, насколько только было возможно, уже оправдалось; теперь у насъ должно хватить мужества силой оружія добиться его полного осуществленія,—силой оружія, потому что всѣ другія средства оказались бесполезными. Продолжать терпѣть, чтобы Италія оставалась растерзанной и изувѣченной, въ то время какъ въ Европѣ устанавливается новый порядокъ, было бы непростительной виной съ нашей стороны; оставить безнаказанными тѣхъ, кто до сихъ поръ насильно властвуетъ надъ частью нашей страны, было бы не великодушіемъ, а позорной трусостью и соучастіемъ въ преступленіи.

Намъ не важна экономическая цѣнность земель, которыя мы стремимся освободить. Если бы даже вмѣсто плодородныхъ полей и роскошныхъ лѣсовъ, онѣ были бы бесплодны, какъ голыя скалы; еслибы вмѣсто прекраснаго орошенія и большихъ, глубокихъ рѣкъ, могущихъ породить громадныя индустріальныя богатства, тамъ не было ничего кромѣ спаленныхъ песковъ; еслибы тамъ не было залитыхъ солнцемъ береговъ, съ массой портовъ

---

¹⁾ „Mémoires de Napoléon“, Vol. 1, Description de l'Italie (въ Парижскомъ изданіи 1867 года, „Commetaires de Napoléon Premier“, стр. 105—129).

и заливовъ, открывающихъ возможность для огромной сѣти безчисленныхъ торговыхъ сношеній, со всѣми мірами, даже тогда не ослабѣло бы наше желаніе освободить эти земли. Потому что духовная связь, стоящая выше всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, соединяетъ націю съ ея территоріей, и заставляетъ воспринимать иностранное владычество, какъ оскорбленіе всѣмъ и каждому, хотя бы причиняемый имъ матеріальный ущербъ и былъ незначителенъ.

Сравнить это можно въ нашей частной жизни, въ которой мы бы не потерпѣли бы, чтобы какой-нибудь пришелецъ своевольно занялъ часть нашего дома, какъ бы мала и незначительна она ни была. Всякій вопросъ о большей или меньшей для насъ выгодѣ владѣть тѣмъ или другимъ кускомъ родной земли совершенно излишенъ, потому что онъ уже аргіогі разрѣшенъ доводами высшаго этического порядка.

Всякій знаетъ, впрочемъ, что и съ точки зрѣнія пользы, области, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ для насъ жизненный интересъ еще и потому, что онѣ фактически господствуютъ надъ другими смежными съ ними областями по сю сторону Альпъ, и что такимъ образомъ отъ нихъ зависитъ даже самая безопасность нашего государства. Не служитъ ли уже одно это обстоятельство достаточнымъ оправданіемъ нашей войны, согласно съ той самой нѣмецкой наукой, которая теперь такъ усердно старается возвести на насъ всевозможныя обвиненія. Не писалъ развѣ, напримѣръ, Лассонъ (одинъ изъ дѣйствительно крупныхъ ученыхъ современной Германіи), что „государство, лишенное

господствующихъ возвышенностей или долинъ рѣкъ, которыя должны были бы служить ему главной защитой, естественно стремится къ выполнѣ законному улучшенію условий своего существованія путемъ приобрѣтенія того, чего ему не хватаетъ и что необходимо для его безопасности? И что, не имѣя обыкновенно возможности достигнуть этого мирнымъ путемъ, оно должно добиться этого силой, искусно и энергично пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ“ ¹⁾. Но для насъ по правдѣ сказать, подобные аргументы излишни; потому что дѣло идетъ не о томъ, чтобы обосновать какое-нибудь новое право, а просто о томъ, чтобы вернуть намъ то, что намъ по праву принадлежитъ: а „quod proprium est alicuius, amplius eius fieri nequit“.

* * *

Абсолютная законность національныхъ стремленій Италіи, и невозможность добиться ихъ осуществленія иначе, какъ силой оружія, дѣлаютъ нашу войну священной. И еще болѣе священной становится она, благодаря той роли, которую она играетъ въ общей борьбѣ народовъ. Въ эту борьбу Италія вступила по собственному почину, сознавая яснѣе, раньше вовлеченныхъ въ войну народовъ, весь ея ужасъ и всю громадность требуемыхъ ею жертвъ. Она вступила въ нее, отлично зная, что нѣкоторые изъ главныхъ воюющихъ государствъ ведутъ войну, совершенно не счи-

---

¹⁾ L asson. „Das Kulturideal und der Krieg“. (2-е изд. Берлинъ, 1906 г., стр. 60).

таясь ни съ моралью, ни съ правомъ, ни съ цивилизаціей, ни съ политическими договорами, ни даже съ жизнью и интересами нейтральныхъ и мирныхъ гражданъ; что они, однимъ словомъ, сознательно нарушаютъ всѣ тѣ правила, благодаря соблюденію которыхъ война отличается отъ простой драки и грабежа. Эти самыя государства и до войны привыкли ставить грубую силу выше свободы и справедливости, особенно притѣсняя тѣ мелкія народности, которыя уже раньше путемъ захвата и насилія были присоединены къ ихъ территоріи. Этимъ государствамъ Италія и объявила войну, которая такимъ образомъ служитъ болѣе широкой цѣли и вызвана болѣе глубокими причинами, чѣмъ простое стремленіе къ возсоединенію разрозненныхъ до сихъ поръ частей итальянской націи; она стремится къ возстановленію авторитета права вообще, къ охраненію наиболѣе высокихъ человѣческихъ идеаловъ, и къ тому, чтобы эти идеалы уважались и при установленіи новаго мірового порядка.

На долю Италіи выпалъ счастливый жребій, защищая самое себя, защищать въ то же время и цивилизацію вообще; выступая и дѣйствуя, какъ единая нація, она неизбѣжно защищаетъ въ то же самое время и святость всякаго отечества вообще. „Свобода одного народа“,—писалъ, какъ итальянецъ и въ то же время какъ человѣкъ вообще, Джузеппе Мадзини,—„не можетъ вполнѣ осуществиться и быть долговѣчной, если она не опирается на вѣру въ право всѣхъ и cadaго на свободу... Я обожаю мое отечество, потому что я обожаю Отечество вообще; нашу свободу, по-

тому что я вѣрю въ Свободу вообще; наши права, потому что я вѣрю въ Право вообще“.

Это удивительное стеченіе обстоятельствъ, которое раскрываетъ намъ тайну нашего мірового назначенія, снова повторилось теперь. Когда во имя различныхъ, плохо рассчитанныхъ династическихъ выгодъ и претензій, нѣкоторые изъ „украшенныхъ орденами грабителей“ рѣшили покончить съ независимостью сербовъ, Италія нашла въ самой себѣ, въ условіяхъ своего собственного существованія, въ традиціяхъ своего прошлаго, въ въ своихъ надеждахъ на будущее, достаточно оснований, запрещавшихъ ей принять участіе въ недостойномъ предпріятіи. А когда Бельгія подверглась вторженію и всевозможнымъ истязаніямъ со стороны одного изъ гарантировавшихъ ея независимость государствъ, теперь проявлявшаго такое безстыдное презрѣніе къ праву, освященному торжественнымъ договоромъ, тогда всѣмъ стало ясно, что Италія не могла стать на сторону нападавшаго. Здѣсь неумѣстно стараться выяснить тѣ причины, по которымъ германскій народъ, объединившійся, какъ и нашъ, въ одно государство во имя и на основаніи національнаго единства, и провозглашавшій раньше устами своихъ крупнѣйшихъ философовъ, какъ Кантъ и Фихте, и еще до нихъ, реформаціоннымъ движеніемъ, — принципъ неприкосновенности и автономіи человѣческой личности, могъ мало-по-малу превратиться въ страшную угрозу свободѣ всего міра. Этотъ народъ, все совершенствуя механизмъ своей индустріи, въ то же время какъ будто на самомъ дѣлѣ утратилъ сознаніе этическихъ и разумныхъ гра-

ницъ своего могущества, забывъ такимъ образомъ и тотъ высшій идеалъ, построеннаго на правѣ сожительства между свободными и равноправными государствами, который одно время былъ и германскимъ. Правда, новѣйшая философія, ведущая свое начало отъ Гегеля (въ системѣ котораго подъ хрупкой оболочкой идеализма уже скрывались сѣмена самаго грубаго матеріализма) давала всевозможныя изящныя названія тому, не считавшемуся ни съ чѣмъ, стремленію къ господству надъ другими, которое стало отличительной чертой германизма; облагородить его сущности она все же не могла: это стремленіе оставалось невыносимымъ для всей совокупности культурныхъ націй, которыя, по мѣрѣ того, какъ разрасталась германская жажда владычества, чувствовали, что все болѣе сближаются между собой морально и какъ бы объединяются въ одинъ общій союзъ. Народы съ очень различными нравами и темпераментомъ; одни—болѣе склонные къ торговлѣ, другіе—къ изящнымъ искусствамъ; одни—мореплаватели, другіе—почти исключительно земледѣльцы; одни—полные пыла и фантазіи, другіе—методичные и медленные; одни—утонченные и съ виду, какъ бы испорченные вѣками исторіи и славы, другіе—только что съ нетронутымъ еще запасомъ энергіи, начавшіе жить бурной, но плодотворной современно-европейской жизнью; одни—съ республиканскимъ, другіе—съ монархическимъ образомъ правленія; одни—малочисленные, съ небольшою территоріей, другіе—почти безчисленные, съ безпредѣльной территоріей, захватившей нѣсколько континентовъ,—всѣ они одинаково сошлись на необходимости защи-

щать; хотя бы цѣной собственной крови, возможность для себя свободнаго развитія. Условія же, дѣлающія подобное развитіе возможнымъ, составляютъ самую основу правъ народовъ, и были слѣдующимъ образомъ формулированы, напр., во время французской революціи: „Les peuples sont respectivement indépendants et souverains, quel que soit le nombre d'individus qui les composent et l'étendue du territoire qu' ils occupent“. „Un Peuple n'a pas le droit de s'immiscer dans le gouvernement des autres“. „Les entreprises contre la liberté d'un Peuple sont un attentat contre tous les autres“. „Les traités entre les Peuples sont sacrés et inviolables“ ¹⁾.

Также думали въ то время и лучшіе умы Германіи, и прежде всего Кантъ въ своей памятной монографіи „о вѣчномъ мирѣ“; такъ что теперь, топча ногами эти принципы, Германія не только оскорбляетъ вѣчное чувство справедливости, но и отрекается отъ лучшей части своего прошлаго. Печальная компанія, въ которой она оказалась въ этой войнѣ, лишній разъ подчеркиваетъ, насколько она сбилась теперь съ пути истины; вѣдь, съ ходомъ исторіи не только не совмѣстно, но прямо грубо противорѣчитъ ему, что такая молодая, однородная и плодovitая нація, какъ германская, воспитанная на всѣхъ наукахъ, способная на всякій прогрессъ и на служеніе любому идеалу, превратилась въ опору безславной старости двухъ гибридныхъ имперій, австро-венгерской и турецкой,

---

¹⁾ Статьи 2, 7, 15, 21 той „Déclaration du droit des gens“, которую аббатъ Григорій представилъ Конвенту 4-го флореаля III-го года (23-го апрѣля 1795 г.).

которыя никогда не были способны къ собственному развитію, и, не имѣя подѣ собою никакого прочнаго естественнаго фундамента, всегда должны были поддерживать свое существованіе всевозможными искусственными и нечистыми средствами.

И не наша вина, если теперь мы стали врагами націи, съ которой такъ долго шли рука объ руку, и хотѣли бы и теперь продолжать совмѣстную работу на поприщѣ науки. Не мы сбились съ пути. Когда Германія еще стремилась къ своему національному объединенію, Джузеппе Мадзини писалъ одному нѣмцу: „Предоставьте австрійскую имперію тому приговору, который произнесли надъ ней и Богъ и люди... Сотрите съ лица Германіи то позорное пятно, которымъ заклеила его Австрія, представляя Европѣ потомковъ Арминія и Лютера въ видѣ слугъ деспотизма; и народы окружають васъ любовью и согласіемъ... Станьте на защиту принципа, что каждому народу должна принадлежать его страна. Дайте намъ возможность добиться нашего объединенія, и добейтесь его сами... Идея германская и идея итальянская тогда побратаются на свободныхъ Альпахъ“ ¹⁾. Этотъ замѣчательный призывъ, который, какъ казалось, получилъ нѣкоторый откликъ въ событіяхъ 1866 года, теперь болѣе чѣмъ когда-либо далекъ отъ своего осуществленія: позорное пятно, смыть которое призывалъ великій апостолъ, распространилось по всему лицу Германіи, и народы, возставшіе на защиту своей свободы, окружають ее не любовью, а

---

¹⁾ Mazzini. „Italia e Germania—Lettera ad un tedesco“ (въ „Unità italiana“ отъ 28-го февраля 1861 г.).

чостоколомъ изъ пушекъ и штыковъ. Но какъ разъ это косвенно подтверждаетъ всю глубокую правду словъ Мадзини, идеальное значеніе которыхъ сохраняется полностью и теперь,—слова, которыя отчетливо показываютъ и роковую ошибку Германіи и неизбежность сопротивляться ей съ нашей стороны.

„Не сводите“,—писалъ еще въ томъ же 1861 г. Мадзини тремъ нѣмцамъ, которые отвѣтили на его призывъ жалкими софизмами: „не сводите великій вопросъ, который волнуетъ сейчасъ всю Европу, къ простому разсужденію о томъ, сколько рабовъ лишится ливреи того или другого хозяина на опредѣленной территоріи... Вы, люди науки и прогресса, не должны прибѣгать къ оружію канцелярій, созданныхъ еще въ средніе вѣка. „Вы—германцы!“—говорите вы вашимъ соотечественникамъ. Но какой смыслъ влагаеете вы въ это слово? О какой Германіи говорите вы? О той, которая притѣсняетъ во имя грубой силы, или о той, которая благословляетъ во имя силы разума? О Германіи Лютера, или о Германіи Меттерниха? И я, иностранецъ, знаю, такую Германію, которую я самъ уважаю и привѣтствую: ту Германію, которая своей реформаціей сказала міру: свободное изслѣдованіе; которая устами своихъ мало извѣстныхъ крестьянъ того же періода провозгласила: царство небесное должно найти себѣ возможно болѣе полное отраженіе и на землѣ; а устами своихъ великихъ философовъ и критиковъ, отъ Лессинга до Баура: глубоко обдумывайте великія человѣческія проблемы, мысль, исторію, религію.

Но эта Германія не нуждается для выполненія своей міровой миссіи, въ бассейнѣ рѣки Адидже, въ Тріентѣ или Ровередо. Ей нужно Единство: нужна гармонія между Мыслью и Дѣйствиємъ, чтобы никто не могъ про нея сказать: Сегодня она проповѣдуетъ одно, а завтра поступить какъ разъ наоборотъ; она должна смыть съ себя преступленія своихъ династій; должна отказаться слѣдовать по тому пути грубой несправедливости, на который хотѣла толкнуть ее Австрія. Ей нужны любовь и уваженіе народовъ, а не подозрѣнія и войны: она должна направить всѣ свои силы на то, чтобы добиться возможно болѣе полного результата въ предѣлахъ той земли, гдѣ говорятъ на ея языкѣ, гдѣ матери передъ колыбелью дѣтей повторяютъ ея народныя легенды, а не тратить ихъ попусту тамъ, гдѣ онѣ все равно осуждены быть вражескимъ во вражеской странѣ. Вотъ къ какой Германіи я обращался. А эта Германія не добьется Объединенія, пока не падетъ имперія Габсбурговъ; какъ не достигнетъ она ни любви народовъ, ни концентрации своихъ силъ, ни полного сознанія своей миссіи, до тѣхъ поръ, пока будетъ посылать своихъ сыновей сражаться рука объ руку съ тѣми самыми Кроатами, которыхъ вы, господа, кажется, не очень-то долюбливаете, противъ національной свободы народовъ, которые ровно ничего ей самой не сдѣлали, не могутъ даже стать для нея опасными и хотятъ лишь обладать принадлежащей имъ по праву территоріей... И вы очень заблуждаетесь, думая, что оказываете такимъ образомъ услугу своему германскому отечеству. Не можетъ

быть, господа, услугой отечеству, когда его толкают на безчестіе“ ¹⁾).

Эта пророческая отповѣдь вскрываетъ и теперь еще какъ нельзя лучше основной смыслъ настоящей войны: для насъ и другихъ народовъ это—освободительная война; для нашихъ противниковъ она—трагическое искупленіе ихъ вины; и, наконецъ, взятая сама по себѣ, она—шагъ по пути осуществленія справедливости на землѣ.

* * *

По своему внѣшнему облику эта война, какъ и всякая другая, состоитъ въ борьбѣ силъ, въ попыткѣ со стороны цѣлаго ряда государствъ осилить другъ друга; тогда какъ ея внутренній смыслъ прямо противоположенъ, потому что она стремится къ установленію новаго порядка, при которомъ ни одна нація не будетъ угнетенной, и цѣнности духовныя будутъ одинаково признаваться вездѣ, несмотря ни на какія различія въ силахъ матеріальныхъ. Логика исторіи не боится парадоксовъ: такъ и въ настоящемъ случаѣ мы сражаемся въ извѣстномъ смыслѣ, и на пользу нашихъ враговъ, поскольку мы стараемся спасти вообще ту основу человѣчности, которая въ данный моментъ извращена и утрачена ими. Мы говорили уже, что стремимся къ защитѣ не только нашего права, но права вообще; не только нашего отечества, но самого принципа неприкосновен-

---

¹⁾ Mazzini. „Ai Signori Rodbertus, Deberg e L. Bucher“ (въ „Unità Italiana“ отъ 21-го апрѣля 1861 г. и въ „Scritti edit ed inediti“, томъ XI, стр. 263—271).

ности всякаго отечества вообще. Мы выставляемъ этотъ принципъ противъ господствующаго сейчасъ среди ведущихъ съ нами войну народовъ ложнаго представленія, что государство построено на силѣ, а не на правѣ, и что государству все позволено ради увеличенія его территоріи и могущества.

И тѣ, кто раздѣлялъ это ложное представленіе или не противился ему, стали его же жертвой; и не только потому, что оно неизбѣжно должно было въ опредѣленный моментъ вызвать взрывъ негодованія и вооруженное сопротивленіе со стороны другихъ народовъ, рѣшившихъ не уступать грубой силѣ; но и оттого, что и раньше еще, привыкнувъ руководиться подобными антиюридическими критеріями въ своей внѣшней политикѣ, эти государства неизбѣжно должны были дойти до такого же пренебреженія къ праву и справедливости, даже въ своей собственной внутренней жизни. Какъ въ теоріи, такъ и въ дѣйствительности, одно неразрывно связано съ другимъ; стремленіе къ насилию и завоеваніямъ по самой природѣ своей враждебно всякой свободѣ, и народъ, пытающійся наложить цѣпи на другихъ, самъ прежде всего оказывается въ цѣпяхъ. Поэтому война, вызванная необходимостью положить конецъ дерзкому насилию со стороны какого-либо иностраннаго государства, приводитъ часто къ результатамъ далеко превосходящимъ это первоначальное намѣреніе, и служитъ гораздо болѣе широкой цѣли: а именно, въ томъ самомъ государствѣ, противъ котораго она направлена, она вызываетъ внутренній моральный и политическій

кризисъ, изъ котораго нація, несмотря на гибель отдѣльныхъ индивидуумовъ, можетъ выйти возрожденной. Это—одинъ изъ наиболѣе типичныхъ случаевъ того общаго закона прогрессивнаго расширенія (или гетерогенезиса) цѣли, въ которомъ Вико видѣлъ доказательство наличности разума, или „Провидѣнія“, управляющаго ходомъ историческихъ событій.

Никто не могъ бы въ настоящее время съ точностью сказать, къ какимъ перемѣнамъ въ укладѣ и сознаніи народовъ, принимающихъ въ ней участіе, приведетъ эта война; и въ особенности нельзя предвидѣть, черезъ какія перипетіи и превратности судьбы должна будетъ пройти германская нація, чтобы вновь пріобрѣсти утраченное ею чувство права; чтобы быть вновь возвращенной или же вернуться самой и вернуть своихъ правителей къ тому культу идеи свободы, который былъ когда-то такъ свойственъ ей. Одно только можемъ мы сказать съ увѣренностью: что въ принципахъ, за которые мы сражаемся, въ цѣнностяхъ, которыя мы хотимъ спасти и сохранить, нѣтъ ничего исключительнаго, особеннаго, принадлежащаго только намъ однимъ; они по самой природѣ своей являются достояніемъ всего человѣческаго рода, потому что только эти этические принципы и цѣнности—автономія отдѣльныхъ индивидуумовъ и націй, первенство права надъ грубой силой, вѣрность разъ данному слову, и дѣлаютъ жизнь всего человѣчества вообще достойной того, чтобы желать продолженія существованія. Если эта трагическая борьба приведетъ, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, къ тому, что эти принципы будутъ

имѣть въ будущемъ больше силы, чѣмъ въ прошломъ, тогда будущія поколѣнія народовъ,—побѣдителей и побѣжденныхъ, станутъ смотрѣть на нее какъ на начало новой эры, и теперешняя рѣзня будетъ казаться имъ жестокимъ, но необходимымъ средствомъ для того, чтобы все человѣчество вообще поднялось на болѣе высокую ступень морали и формъ общежитія

Этотъ внутренній смыслъ нашей войны, идущій дальше всѣхъ частныхъ и непосредственныхъ цѣлей воюющихъ державъ, проявляется въ различныхъ формахъ. Когда мы, наприимѣръ, оберегаемъ отъ ярости современныхъ варваровъ-иконоборцевъ великіе памятники исторіи и искусства, это самое священное наслѣдіе нашей націи, мы сохраняемъ ихъ не только для насъ самихъ и нашихъ потомковъ, которымъ мы обязаны передать ихъ въ такомъ же видѣ, какъ сами получили ихъ отъ нашихъ предковъ; но для всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ живо и будетъ живо божественное чувство красоты, то-есть въ томъ числѣ и для болѣе мягкихъ потомковъ нашихъ теперешнихъ противниковъ. Точно такъ же не только ради нашей выгоды мы не позволяемъ передѣлывать насъ по чисто-механической схемѣ культуры, хотя бы технически и совершенной, но лишенной всякаго духовнаго содержанія, и противорѣчащей нашему національному гению, который весь—сама естественность и непринужденная гармонія; не ради „священнаго эгоизма“ только мы возстаемъ противъ попытокъ изуродовать и ослабить нашу національность; а потому что мы вполне сознаемъ,

что на насъ, итальянцахъ, каковы мы отъ природы, и каковыми хотимъ оставаться, лежитъ спеціальная и высокая миссія въ общей „организаціи труда человѣчества“, которая и является истинной основой естественныхъ различій между отдѣльными народами. Если бы, по необъяснимому мало-душію, мы согласились занять подчиненное мѣсто въ чудовищной политической и военной іерархіи управляемой другими и тѣмъ самымъ отреклись бы отъ свободныхъ проявленій и развитія нашего національнаго генія, мы тѣмъ самымъ стали бы измѣнниками не только передъ самими собой и нашимъ предназначеніемъ, но и передъ всей человѣческой культурой, которая ждетъ отъ этого неповрежденнаго и цѣльнаго итальянскаго національнаго генія новыхъ неоцѣнимыхъ твореній подобныхъ тѣмъ, которыя онъ уже создалъ въ прошломъ; и нѣтъ тѣхъ усилій, которыя были бы слишкомъ велики, нѣтъ тѣхъ жертвъ, которыя были бы слишкомъ тяжелы, чтобы сохранить нашъ національный геній во всей его неприкосновенности.

Мы вступаемъ въ эту страшную, кровопролитную борьбу съ твердой вѣрой во внутреннюю правоту нашего дѣла и въ полное соотвѣтствіе его съ высшими интересами человѣчества вообще, и испытываемъ при этомъ на себѣ, рядомъ со всѣми ужасами и горемъ, и благотѣльное вліяніе войны. Она, подобно пламени, которое сжигая очищаетъ, убиваетъ въ насъ весь низменный эгоизмъ и заставляетъ насъ жить болѣе глубокой жизнью націи, а черезъ нее и жизнью всего міра. Она раскрываетъ присущую намъ удивительную спо-

способность превосходить самих себя и освобождает наше истинное естество отъ тѣхъ непрочныхъ индивидуальныхъ привязанностей, которыя въ обычное время такъ часто стѣсняютъ и подавляютъ его свободное проявленіе. Она съ неожиданною отчетливостью показываетъ намъ, что произволъ долженъ уступить мѣсто свободѣ; что отдѣльныя усилія ни къ чему не приводятъ, пока они не подчинены общему порядку и дисциплинѣ; что поэтому при массовыхъ выступленіяхъ необходимъ связанный образъ дѣйствій, чтобы возможно было общими стараніями достигнуть даже наиболѣе трудной цѣли. И подобно тому, какъ въ далекомъ прошломъ, война привела къ прекращенію внутреннихъ распрей и къ политическому объединенію отдѣльныхъ родовъ (*gentes*) въ цѣляхъ взаимной защиты и обороны, такъ и теперь она заставляетъ насъ умѣрить стремленіе къ личной выгодѣ, забыть личную вражду, прекратить внутренніе споры и раздоры, чтобы тѣмъ сильнѣе стало государство и тѣмъ крѣпче нерасторжимая связь національнаго единства. И какъ она уже неоднократно служила стимуломъ для человечества, заставляя его изошрять весь умъ въ поискахъ за наиболѣе могущими средствами обороны и нападенія, такъ и теперь она толкаетъ насъ на такую же, становящуюся все интенсивнѣй работу ума, работу, которая неизбѣжно дастъ богатые результаты, которые широко примѣняются къ индустріи и всевозможнымъ ремесламъ и въ мирное время. Она пробуждаетъ новыя стремленія и понятія и, словно производя своеобразный *expiementum crucis*, извлекаетъ изъ наивысшаго напря-

женія всѣхъ духовныхъ силъ удивительныя откровенія, относительно всевозможныхъ нашихъ способностей, которыя прежде лишь дремали въ насъ, и о которыхъ мы сами не имѣли ни малѣйшаго представленія.

Никогда еще всѣ эти характерныя и благотворныя особенности войны не выступали такъ ярко, какъ теперь, потому что еще ни одна война не была такъ прочувствована нами и такъ желанна, какъ эта; ни одна война не велась еще во имя болѣе высокаго моральнаго принципа, чѣмъ эта, истинная война во имя справедливости и спасенія не одной только какой-либо націи, но и всего чело-вѣчества. Мы ведемъ ее, и наша совѣсть при этомъ такъ же чиста, какъ великъ и нашъ энтузіазмъ, и какъ тверда вѣра въ побѣду.

Товарищество „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, М. Никитская, д. 29. ☎ Телефонъ. 4-50-61.

„ВОЙНА и МИРЪ“.

Сборникъ оригинальныхъ статей, посвященный памяти Л. Н. Толстого. Подъ редакц. В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Съ иллюстраціями. Цѣна 3 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Т. И. Полнеръ. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого. 2) К. В. Покровский. Исторія работы Толстого надъ романомъ „Война и миръ“. 3) В. К. Покровский. Источники „Войны и мира“. 4) В. Н. Перцевъ. Философія исторіи Л. Н. Толстого. 5) А. К. Джигелеговъ. Александръ и Наполеонъ. 6) С. П. Мельгуновъ. На войнѣ 1812 года. 7) К. В. Сивковъ. Вліяніе войны 1812 г. на духовную жизнь Россіи. 8) В. И. Пичета. Война 1812 г. и народное хозяйство. 9) В. Е. Степанова. Война 1812 года въ живописи. 10) В. П. Обнинскій. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. 11) Л. С. Козловскій. Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого.

Первая половина изящно изданной и со вкусомъ иллюстрированной книги посвящена ближайшимъ образомъ самому произведенію, вторая—широко поставленному историческому освѣщенію эпохи. Всѣ 150 страницъ, занятые перечисленными статьями, даютъ цѣнный вкладъ въ историко-литературное пониманіе великой эпопеи Толстого. Статья В. П. Обнинскаго, такъ же, какъ послѣдняя статья Л. С. Козловскаго „Война и миръ въ ученіи Толстого“,—прекрасно заключаетъ собою сборникъ, одной изъ цѣлей котораго было содѣйствовать установленію здраваго, человѣческаго взгляда на войну. Весь сборникъ интересно задуманъ, прекрасно выполненъ и производитъ очень пріятное впечатлѣніе, (А. Грузинскій. „Утро Россіи“).

Цѣлью сборника, какъ видно изъ короткаго предисловія, было „дать комментаріи къ великому творенію Толстого“. Но, развиваясь и исполняясь, цѣль расширилась, и сборникъ производитъ сейчасъ впечатлѣніе не только комментарія къ „Войнѣ и миру“, но отрицательнаго комментарія къ войнѣ... Весь сборникъ производитъ впечатлѣніе цѣльной, интересной и краснорѣчивой аргументаціи противъ войны. И. Игнатьевъ. „Русск. Вѣд“.

Цѣна 45 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Товарищество „ЗАДРУГА“.

Москва, М. Никитская, д. 29. Телеф. 4-50-61.

Отдѣленіе въ Петроградѣ: К-во „ОГНИ“, Фонтанка, 80.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.